

PISLEGIN N.V., Izhevsk, Russian Federation

TECHNOLOGY AND PRACTICE OF THE UDMURT KUMYSHKA BREWING IN 19TH –
EARLY 20TH CENTURY ACCORDING TO ARCHIVAL SOURCES

Н.В. Пислегин, г. Ижевск, Российская Федерация

ТЕХНОЛОГИИ И ПРАКТИКИ УДМУРТСКОГО КУМЫШКОВАРЕНИЯ. ПО АРХИВНЫМ
ДОКУМЕНТАМ XIX – НАЧАЛА XX В.

Abstract

The article highlights some aspects of history and culture of everyday life associated with an alcoholic beverage kumyshka and with its process brewing. Kumyshka was produced by the Udmurts and neighboring peoples. The chronological framework of the study is 19th – early 20 century. It is of prime importance to turn to the relatively little-studied by ethnographers pre-reform period. The article describes the pattern of the populace everyday resistance to authorities' attempts to limit the production of kumyshka or ban it (before 1802, in 1818–1827

and after 1890). It describes devices and processes of its brewing by distillation of grain mashing. Restrictions must have been one of the reasons for the lack of tradition of manufacturing quality alcohol in the Udmurt Kama region. The peoples' first priority was to get around the prohibitions. Even now country people in Udmurtia use the same basic devices to manufacture the brew as before. The mashing is boiled in a vessel, and then hot vapors pass through a cooling apparatus. Despite the prohibitions the making of kumyshka was widespread among the Russians, Maris, Tatar-Kryashens and probably other peoples of the region. Among them, as well as among Udmurts, kumyshka may have been used as a ceremonial drink in Pagan, Orthodox or Syncretic rites. Archival documents indicate that even in early 19th century the Orthodox holidays were accompanied by ceremonial drinking. Although the Udmurts were baptized en masse in the middle of 18th century, they adhered to traditional beliefs. At the same time, in the author's opinion, the role of kumyshka as an accompaniment holidays prevailed over its ritual importance. It should also be noted that occasional punishment of the local self-government representatives for "indulgence" for kumyshka manufacturers was one example of duality in their position "between a rock and a hard place", that is, between the government and the people.

Аннотация

Статья раскрывает некоторые аспекты истории и культуры повседневности удмуртов и соседних народов, связанные с национальным алкоголем – кумышкой – и кумышковарением в XIX – начале XX в., что особенно важно к относительно малоизученному дореформенному периоду Развития России. В исследовании, в частности, обрисованы особенности обыденного сопротивления в ходе так называемых кумышечных дел, описаны приборы и сам процесс изготовления самодельного алкогольного продукта путем перегонки зерновой браги, использовавшиеся в рассматриваемый период. Кумышковарение удмуртам полностью запрещалось до 1802 г., в 1818–1827 гг. и после 1890 г. Даже в периоды разрешения существовали ограничения: например, на крепость получаемого напитка, которые, вероятно, стали одной из причин отсутствия глубоких традиций изготовления качественного алкоголя. Народный ум был направлен на изыскание в основном пассивных методов борьбы с запретами. В целом основные приспособления и механизмы изготовления самогона до сих пор имеют место быть в удмуртской деревне. Это дистилляция посредством кипячения браги в котле с последующим прохождением нагретых паров через холодильный аппарат. Несмотря на бытовавший весь рассматриваемый период запрет, кумышковарение также было достаточно распространенным явлением среди русских, марийцев, татар-кряшен и, по всей видимости, других народов края. Здесь оно, так же как и у удмуртов, могло играть роль обрядового напитка (языческого, православного

либо синкретичного). Архивные данные свидетельствуют, что уже в начале XIX в. удмурты, массово крещенные только в середине XVIII в., и в значительной степени продолжающие придерживаться традиционных верований, сопровождали выпивкой и церковные праздники. Вместе с тем роль напитка в качестве сопровождения праздников превалировала перед обрядовой стороной. Необходимо также заметить, что периодически имевшие место наказания за «потворство» кумышковарению представителей местного самоуправления свидетельствовали, в числе прочего, о двойственности их положения между «молотом и наковальней» – властью и народом.

Keywords

Archive, source, Kumyshka; ceremonial drink; alcohol; archival documents; Udmurt people; peoples of the Udmurt Kama region

Ключевые слова

Архив, источник, кумышка, обрядовый напиток, алкоголь, архивные документы, удмурты, народы Удмуртского Прикамья.

Национальный алкогольный напиток удмуртского народа, полученный посредством перегонного аппарата из зерновой браги, – кумышка – неоднократно являлся объектом внимания целого ряда исследователей. Во многих из них отмечалось недостаточное внимание к архивным источникам, которые вполне способны дополнить исторические и этнографические изыскания. Сведения, отложившиеся в фондах Центрального

государственного архива Удмуртской Республики и Государственного архива Кировской области (фонды уездных судов, губернского и полицейских управлений, земских начальников и т.д.) в массе делопроизводственной документации, содержат, на наш взгляд, ценную информацию по рассматриваемому вопросу. Особенно важно обращение к ним при рассмотрении относительно малоизученного дореформенного периода. Рассматриваемый период (XIX – начало XX в.), в первую очередь, интересен чередой разрешений и запретов удмуртского национального алкогольного напитка, в условиях которых продолжала развиваться традиционная культура с кумышкой как составной своей частью.

Яркие картины повседневности, связанные с кумышкой, например, дает судебный документ, созданный «по мотивам» событий, произошедших в поч. Аяшур-Монье Селтинской волости Глазовского уезда Вятской губернии в июле и августе 1803 г. Тогда в один из приездов, а именно 2 августа, «блюстителей закона» с понятыми и 5 донскими казаками не менее 60 удмуртов при явном попустительстве волостных головы и писаря «с кольями, дубинами и вилами» «попущались на драку», хватали за грудь, «толкали кулаками» по груди дворянского заседателя земского суда Титова и с криками по-удмуртски: «Отдай наши трубы и вино!» отбили все ранее конфискованное: «ругаясь, проговаривали: ?На что без них в домах их обыскивали, не давши им приттить из поля!?!», а также задержанных и «едва из той их деревни всех выпустили».

С другой стороны, казаки также избивали плетками, как минимум, деревенского десятника Василия Павлова и крестьянина Тимофея Сидорова; ряд других в показаниях оправдали свое последующее бегство в лес в том числе и боязнь быть избитыми. Среди 4 зачинщиков и лидеров, в частности, был назван крестьянин Сергей Петров, в 1801 г. уже «преданный суждению» ревизовавшими губернию сенаторами Н.Н. Салтыковым и И.Б. Пестелем за разные «недельные просьбы и ябеды». Интересно также то, что удмурты, очень вероятно, не извещенные о данном им в 1802 г. разрешении изготавливать кумышку, при следствии отрицали сам факт самогонварения: многие хоть и признавали, что были даже сильно пьяны, но только от пива; не говоря уж об отрицании оказания открытого неповиновения, отдельные опрошенные женщины даже «забыли» свои имена и возраст, а мужчины – русский язык.

В начале XIX в. «кумышечные» дела обычно начинались с подачи поверенных откупщиков питейных сборов, жалующихся, например, земскому исправнику. Последним даже удавалось застать и описать сам немудреный процесс. Так, например, он происходил в «подгородной» Омутницкой волости Глазовского уезда в феврале 1805 г.: внутри срубного специально неотопливаемого «чума» на два камня ставился чугунный котел, закрытый деревянной крышкой с относительно небольшим отверстием, на него ставился глиняный горшок с замазанным деревянным подтрубком; к подтрубку крепилась

медная трубка, которая проходила сквозь липовую кадку, наполненную льдом и водой. Получаемый дистиллят из трубки стекал в чугунный горшок, покрытый двумя «ветошками», выполнявшими роль фильтра. Готовая продукция хранилась в «бураках» и 2-ведерной дубовой «стойке»-фляге, исходное сырье («брага», «затертая» на солоде и муке) – в деревянных 15- и 20-ведерных кадках.

В рамках заявленной темы весьма интересно обращение к сферам применения кумышки. Данный вопрос хорошо проработан в исследованиях, освещавших по большей части реалии второй половины XIX – начала XX в. К примеру, Г.А. Никитина отмечает, что алкоголь был неперенным атрибутом во время крестин, похорон, поминок, престольных праздников, языческих молений и свадеб. Праздник для крестьян, как правило, всегда отождествлялся с выпивкой. Кроме того, она была в значительной степени неизбежна во время помочей, на общественных сходах, при имущественных сделках. Разумеется, проводы в армию, а, как минимум, после 1874 г. и встреча солдата со службы, также предварялись кумышковарением, даже после запрета 1890 г.

Архивные данные свидетельствуют, что уже в начале XIX в. удмурты, массово крещеные в православие только в середине XVIII в. и в значительной степени продолжающие придерживаться традиционных верований, сопровождают выпивкой и церковные праздники. Так, в упомянутом выше поч. Аяшур-Монье жители (у многих из них приведены двойные имена или даже только языческие) пьют пиво и кумышку в чумах, ездят на 2–4 дня в гости в соседние селения к родственникам, отмечая праздник Петра и Павла и Медовый спас. Кумышка, по материалам середины XIX в., также варилась к празднику Пятидесятницы и Покрову дню. Вполне вероятно здесь предполагать наличие признаков религиозного синкретизма, чему есть и более явные свидетельства. Например, в Ува-Туклинской волости Малмыжского уезда крестьяне, застигнутые 8 июля 1857 г., «в день праздника Казанской божией матери», на общеродовом молении 13 селений рода Тукля, объяснились в следующем духе: «...собрались вместе, пировали, каждый домохозяин привозил туда разное съестное и дозволенную нам кумышку, где пили и ели, но языческого моления и жертвоприношения никакого не совершали, потому что в настоящее время все вотяки, как находясь православного исповедания, таковых языческих жертвоприношений не делают и вовсе чуждаются их». Они «помнили», что подобное моление с жертвоприношениями совершалось «через 3 года один раз», однако теперь это всего лишь приверженность «по невежеству» обычаям, «так называемая пирушка».

Таким образом, в целом можно говорить о постепенном завуалировании «языческой составляющей» традиционного алкогольного напитка удмуртов и в результате отметить естественную и очевидную сопоставимость применения алкоголя удмуртами с традициями питания, имевшими место у соседних народов, за исключением мусульман.

References

1. Istoriiia Udmurtii: Konets XV – nachalo XX veka [History of Udmurtia: Late 15th – early 20th century]. Izhevsk, UIIIaL UrO RAN publ., 2004, 552 p.
2. Mikheiev I.S. Kumyshka. Istoriiia kumyshki [Kumyshka: The history of kumyshka]. Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii [Bulletin of the Society of archeology, history and ethnography, vol. 34, part 1–2]. Kazan, 1928, pp. 146–159.].
3. Nikitina G.A. Rol' galliutsinogenov (kumyshki) v bytu udmurtov (20-ie – nachalo 30-kh godov XX veka [Role of hallucinogens (kumyshka) in the everyday life of the Udmurts: 1920s – early 1930s] Ob etnicheskoj psihologii udmurtov: sb. statey [On the Udmurt ethnic psychology: A collection of articles]. Izhevsk, 1998, pp. 49–63.
4. Orlov P.A. Status alkogolia v traditsionnoi udmurtskoi kul'ture. [Status of alcohol in the traditional culture of the Udmurts]. G.E. Vereshchagin i etnokul'turnoie razvitiie narodov Uralo-Povolzhia: sb. statei. [G.E. Vereshchagin and ethno-cultural development of the peoples of the Ural-Volga region: A collection of articles]. Izhevsk: UIIIaL UrO RAN publ., 2004, pp. 94–100.
5. Grishkina M. The evolution of the state policy as regards the Udmurts in the 17th century and up till about 1850. KVHAA Konferenser. Stockholm, 1997, pp. 95–100.

Список литературы

1. История Удмуртии: Конец XV – начало XX века. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. – 552 с.
2. Михеев И.С. Кумышка. История кумышки // Известия общества археологии, истории и этнографии. Т. XXXIV. Вып. 1–2. – Казань, 1928. – С. 146–159.
3. Никитина Г.А. Роль галлюциногенов (кумышки) в быту удмуртов (20-е – начало 30-х годов XX в.) // Об этнической психологии удмуртов: Сб. ст. – Ижевск, 1998. – С. 49–63.
4. Орлов П.А. Статус алкоголя в традиционной удмуртской культуре // Г.Е. Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья: Сб. ст. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. – С. 94–100.
5. Grishkina M. The Evolution of the State Policy as Regards the Udmurts in the 17th Century and up till about 1850 [Эволюция государственной политики по отношению к удмуртам в XVII – первой половине XIX в.] // KVHAA Konferenser. – Stockholm, 1997. – P. 95–100.

About author

Pislegin Nikolai Viktorovich, PhD in history, associate professor, senior researcher of the historical research department of the Udmurt Institute for History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russian Federation, +7-904-314-64-61, cpeg@rambler.ru

Сведения об авторах

Пислегин Николай Викторович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела исторических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН, г. Ижевск, Российская Федерация, 8-904-314-64-61, speg@rambler.ru

You can read completely article in the russian historic-archival magazine “The Herald of an Archivist”. Read more about terms of subscription [here](#) .

Полностью материал публикуется в российском историко-архивоведческом журнале ВЕСТНИК АРХИВИСТА. Ознакомьтесь с условиями подписки [здесь](#) .